

Примечания

- 1 Шатобриан Ф.-Р. Замогильные записки. М., 1995. С. 598.
- 2 Lehtonen M. L'expression imagée dans l'oeuvre de Chateaubriand. Helsinki, 1964. P. 319.
- 3 См. об этом подробнее: Lehtonen M. Op. cit. P. 319.
- 4 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 24, 163.
- 5 Там же. С. 18.
- 6 Там же. С. 18–20.
- 7 Там же. С. 20.
- 8 Chaouat B. Je meurs par morceaux: Chateaubriand. P., 1999. P. 28–29.
- 9 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 30.
- 10 Там же. С. 34–35.
- 11 Там же. С. 45.
- 12 См. об этом подробнее: Lehtonen M. Op. cit. P. 320.
- 13 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 45.
- 14 Chateaubriand F.-R. Mémoires d'outre-tombe: En 3 t. T. 3. P., 1973. P. 437.

- 15 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 140. С. 18.
- 16 Chateaubriand F.-R. Op. cit. T. I. P. 678, 133.
- 17 Ibid. T. I. 166.
- 18 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 163.
- 19 Там же. С. 45.
- 20 Там же. С. 59.
- 21 Там же. С. 60.
- 22 См. об этом подробнее: Lehtonen M. Op. cit. P. 463–464.
- 23 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 18.
- 24 Там же. С. 20.
- 25 Там же. С. 539.
- 26 Chateaubriand F.-R. Op. cit. T. I. P. 397.
- 27 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 165.
- 28 Там же. С. 19.
- 29 Мильчина В.А. Эпопея человеческого сознания // Шатобриан Ф.-Р. Замогильные записки. М., 1995. С. 7.
- 30 Chateaubriand F.-R. Op. cit. T. 3. P. 92.
- 31 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 598.

УДК 821.161.1.09-94+929 Фет

ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КНИГИ А.А. ФЕТА «МОИ ВОСПОМИНАНИЯ»: ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОК ПЛАНА МЕМУАРОВ

Л.И. Черемисинова

Педагогический институт
Саратовского государственного университета,
кафедра начального языкового и литературного образования
E-mail: cheremisinov@inbox.ru

В статье рассматривается эпизод из творческой истории мемуаров А.А. Фета, публикуется и комментируется черновой набросок первоначального плана фетовских воспоминаний. Исследование базируется на рукописных источниках, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: русская литература, творческая история, мемуары, биография, текстология, Фет.

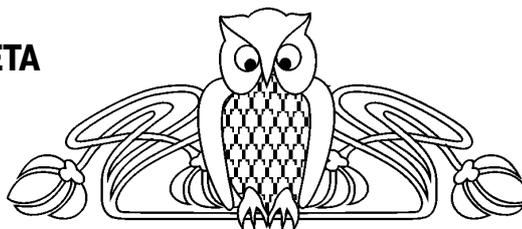
The History of A.A. Fet's «My Memoirs»: the Draft Plan

L.I. Cheremisinova

The article presents to scholarly attention a manuscript by A.A. Fet – the first draft of the poet's memoirs and offers a commentary to the publication of the text.

Key words: Russian literature, writing history, memoirs, biography, textual studies, Fet.

Воспоминания Фета представляют собой фактически не изученную часть его творческого наследия. На сегодняшний день не существует их научного издания, о необходимости которого писал еще в 1935 г. авторитетный текстолог и знаток творчества Фета Б.Я. Бухштаб. В своей обзорной статье «Судьба литературного наследства

А.А. Фета» исследователь отмечал, что мемуары и художественная проза поэта «давно стали библиографической редкостью» и нуждаются в переиздании¹. Такое переиздание будет осуществлено в составе двадцатитомного собрания сочинений и писем поэта, выходящего в настоящее время².

Современным исследователям надлежит тщательно изучить и прокомментировать текст мемуаров, восстановить их творческую историю, сопоставить главы журнальных публикаций с окончательным вариантом, сличить тексты введенных в мемуары писем с подлинниками, собрать и проанализировать отклики современников на воспоминания Фета – словом, решить многочисленные текстологические задачи, чтобы осуществить научное издание мемуаристики поэта.

«Мемуары эти <...> – на особом положении в истории русской литературы, – писал Б.Я. Бухштаб. – Это материал исключительной важности, один из мемуарных источников наиболее часто цитируемых, в особенности исследователями Льва Толстого и Тургенева; в то же время – источник, требующий максимально критического отношения к себе»³.

Фетовские воспоминания являются не только документальной базой для характеристики эпохи, но и бесценным источником (наряду с эпистолярным) для еще не написанной биографии их автора. Несмотря на неизбежный в этом жанре

субъективизм, они дают довольно полное, целостное представление об основных событиях жизни поэта, о его занятиях, пристрастиях, домашнем и литературном окружении. Если, как справедливо заметил Я.П. Полонский, в поэзии Фет не проявлял себя как биографическая личность, то в прозе эта личность находила свободное, максимально адекватное выражение. Возможно, поэтому количественное соотношение прозаического наследия Фета несопоставимо с объемом его поэтических сборников.

«<...> Жизнь моя, – писал А.А. Фет К.Ф. Ревелиоти (своему сослуживцу по Кирасирскому полку) в конце 70-х гг., – самый сложный роман, который, Бог даст, сообщу хоть в главных чертах...»⁴. Эти слова, возможно, являются первым по времени документальным свидетельством, раскрывающим намерение поэта в каком-то отдаленном будущем написать «роман о себе». Учитывая автобиографический характер всей прозы Фета (художественной, публицистической, мемуарной), нельзя утверждать наверняка, что именно стало этим «романом»: совокупность всех прозаических сочинений поэта или один из видов прозы. Однако в первую очередь эти слова относятся к мемуарам Фета – трехтомной книге о его жизни. Таким образом, можно предположить, что желание написать воспоминания возникло у Фета на рубеже 70–80-х гг. XIX в., т.е. на исходе шестого десятилетия жизни поэта.

В Отделе рукописей РГБ хранится черновой вариант первоначального плана фетовских воспоминаний. Он размещен на обратной стороне письма А.А. Фета к другу детства И.П. Новосильцову⁵. Оба эти автографа: и фрагмент письма, и план воспоминаний – представляют собой черновики. Текст их не датирован, набросан наскоро, несколько небрежно, изобилует сокращениями, зачеркиваниями (особенно это касается плана воспоминаний), что затрудняет идентификацию документа, требует некоторой его реконструкции. И хотя отдельные слова рукописи пока остаются не прочитанными, она дает определенное представление о первоначальном замысле воспоминаний, а фрагмент письма к И.П. Новосильцову позволяет установить примерное время создания плана.

Поводом для данного письма Фета к И.П. Новосильцову послужил приезд в Воробьевку (имение Фета в Курской губернии) Ивана Федорова, управляющего Фатьяновом (имение племянника Фета П.И. Борисова в Мценском уезде Орловской губернии, находившееся неподалеку от с. Воин, принадлежавшего И.П. Новосильцову). Фет собиравшись воспользоваться okazji и передать с Иваном Федоровым письмо Новосильцову. Приводим сохранившийся текст черновика этого письма в соответствии с современными орфографическими и пунктуационными нормами. В угловых скобках восстанавливаются недостающие фрагменты слов, в отдельных случаях даются трудночитаемые слова.

«<приходивший> вчера по делам Пети Фатьяновский Иван Федоров, уже при отъезде на многократные вопросы наши о тебе объявил, что, по его соображ<ению>, ты долж<ен> быть на Воине, и мы⁶ ухватились за возможность напомнить тебе о нашем существовании. Хроническая болезнь моя, принявшая, в последние дни, к немалому моему переполоху, острый характер, лишает меня возможности тронуться из дому. И надолго ли это продолжится, к сожалению, не знаю. При хворости моей, я добиваюсь только одного, чтобы не соприкасаться ни с какими хозяйственными заботами и распоряжениями, но при устройстве совершенно дезорганизованного имения как Воробьевка и отсутствия Алек.<сандра> Иван<овича> Иоста на Граворонке – подобный квиетизм – оказывается *rum, unio desiderium*⁷ – от⁸.

Зная твою хлопотливость, я поневоле должен отнести к тебе же *desiderium* и надежду увидеть тебя в Воробьевке, хотя станция Будановка в 4 1/2 часах пути от Орла и около нее 2 коляски⁹ постоянно к услугам наших посетителей, а если назначить час приезда, коих два в 12 1/2 дня и в 6 1/2 дня, то и наши кони будут ждать у станции и <проезжут> 45 минут те <нрзбр> 10 верст, что отделяют нас от чугулки. Во всяком случае, если не удастся теперь, то зимой, если буду жив и здоров, явлюсь <обнять>¹⁰.

На этом письмо обрывается. Упоминания в нем о Воробьевском и Фатьяновском имениях позволяют примерно установить время его написания. Известно, что Воробьевка была куплена Фетом в 1877 г., а Фатьяново – родовое имение П.И. Борисова, управлявшееся в его отсутствие Иваном Федоровым, – было продано до 1880 г. Оба своих наследственных имения (отцовское Фатьяново и материнские Новоселки) Борисов продал накануне отъезда в Йенский университет, а в 1880 г. на вырученные деньги купил имение Ольховатка Щигровского уезда, располагавшееся неподалеку от фетовской Воробьевки. Эти факты упоминаются в письме Фета к Л.Н. Толстому от 19 марта <1880 г.>: «Борисов на днях будет уже в Германии и в Иене. Я его пробрал до костей, и он взялся за дело и благодарит меня. Мы ему таки купили по соседству 700 десятин с домом, садом, мельницей, 70 десятин лесу, мебелью, экипажем, скотом, даже посудой за 76 тысяч»¹¹.

В Отделе рукописей РГБ хранится документ, датированный 1878 г.: «Домашняя расписка на продажу сельца Фатьяново ст. советнику Григорию Алексеичу Городкову»¹². Если верить этой «домашней расписке», то Фатьяново было продано в 1878 г. В книге Фета «Мои воспоминания» рассказ о продаже отцовского имения П.И. Борисова размещен среди событий 1880 г. – вслед за известием о смерти К.Ф. Ревелиоти¹³. Далее следует рассказ о покупке на вырученные деньги Ольховатки.

Иван Федоров мог приехать в Воробьевку по делам Пети Борисова как до продажи имения, так и после совершения сделки. Публикуемое письмо Фета к И.П. Новосильцову могло быть написано в

промежутке между 1878 и 1880 гг. Надо полагать, что и план воспоминаний, набросанный на обратной стороне чернового варианта этого письма, составлялся в это же время.

Приуроченность фетовского плана к 1878–1880 гг. имеет и иные основания. Большая часть плана связана с периодом кирасирской службы поэта в Новороссийском крае. Возможно, желание написать воспоминания об этом времени возникло вследствие начавшейся в 1878–1879 гг. переписки Фета с некоторыми сослуживцами (С. Аргамаковым, А.А. Кази и К.Ф. Ревелиоти), оживившей в памяти молодые годы. Активизации памяти способствовала и последовавшая вскоре после начала эпистолярного общения встреча Фета в Крыму в сентябре 1879 г. с Ксенофонтом Ревелиоти и Александром Кази. Не исключено, что именно эти события стали причиной появления чернового наброска плана воспоминаний.

Переписка Фета с Ревелиоти, как свидетельствует об этом «Летопись жизни А.А. Фета», началась 12 июня 1879 г.¹⁴ и продолжалась чуть более года. Она была прервана по причине внезапной смерти К.Ф. Ревелиоти 1 августа 1880 г.¹⁵ Первому письму поэта предшествовал поиск адреса Ревелиоти, о чем свидетельствует письмо к Фету С. Аргамакова, бывшего сослуживца, от 29 декабря [1878 г.]: «Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич! Хотя и много времени прошло с тех пор, как мы расстались с Вами, но воспоминания молодости и добрых товарищей никогда не изглаживаются из памяти; письмо Ваше напомнило мне многих товарищей, с которыми я провел так приятно и беззаботно свою молодость. Очень рад случаю, который привел Вас вспомнить обо мне, и надеюсь, что не письменно, а лично когда-нибудь буду говорить с Вами. Относительно адреса Ревелиоти, в настоящее время, я не могу Вам сообщить, потому что не имею давно об нем никакого известия; со мною в полку был ротмистр Ревелиоти, а как его звали, я не помню, впрочем, не теряю надежды узнать и не замедлю Вас уведомить. Прошу Вас не забывать Вашего старого сослуживца. С истинным уважением честь имею быть Ваш покорный слуга С. Аргамаков»¹⁶.

Фет получил адрес Ревелиоти от А.Л. Бржеской¹⁷, о чем он сообщил своему корреспонденту: «Милый и дорогой старый товарищ и сослуживец! Ксенофонт Федосеевич, если память не изменила в отечестве. Сегодня у меня душе праздник, так как наконец-то я получил твой давно искомый мною адрес – от Александры Львовны Бржеской, с которой, как она мне говорила, воспитывалась твоя супруга. Наконец-то, после долгих, долгих лет, я могу от всего сердца позжать твою честную руку и поблагодарить за многое, о чем в настоящую радостную для меня минуту и говорить излишне и некстати»¹⁸.

Эпиграфом к письму стали строки из шуточного стихотворения Фета «В зверинец мой раскрыты двери...» <1845>, написанного в первый

год службы поэта в кирасирском полку и содержащего дружеские характеристики офицерского состава: «Та птичка Фоська Ревельоти, / Мала, но ноготок востер»¹⁹. Эти строки, являясь своеобразным знаком, атрибутом доброго, старого времени, оживляли прошлое, напоминали о годах совместной службы, об армейском братстве, офицерских забавах и шалостях.

К.Ф. Ревелиоти отозвался сразу двумя письмами на послание Фета: на первом почтовый штемпель от 25 июля 1879 г., на втором – 28 и 29 июля 1879 г.²⁰ Первое письмо открывается парафразом строк «Где же песни без стремленья? / Где же юность без любви?» из стихотворения «Соловей и роза» А. Фета. «Не могу унять стремленье, / Я не в силах не любить <...>, – начинает свое послание Ревелиоти. – Добрый товарищ, мой милый и дорогой Афанасий! Твое дружеское письмо расшевелило во мне лучшие воспоминания молодости – обнимаю, целую тебя крепко! Мне далеко за пятьдесят и уже лет тридцать как расстался с любимыми орденами²¹, но стоит промолвить мне словечко о вас, и я забываю все свои хлопоты, снова превращаюсь в юношу, готов шутить, резвиться и глупить, как бывало в дни давно минувшей молодости. Я тебя всегда любил, да кого я не любил из славных орденцев? и можно ли было их не любить? За исключением одного, много двух субъектов, – казавшиеся (так!) мне не совсем порядочными. <...> Нет, вспомни хорошо этот сонм прекрасных, честных людей: Небольсин, Саргани, Кази, Васил<ий> Петров – и всех остальных до единого и скажи мне потом, за стенами Крылова встречал ли ты подобных? Я же – положительно нет: пигмеи, бездушные твари. Николка Небольсин²², даст Бог, скоро увидимся, многое передам тебе, и ты узнаешь, на что была способна его возвышенная душа и его дружба ко мне. Сохраним же навсегда глубокую благодарно<сть> к незабвенным Александру Богдан<овичу>²³ и Карлу Федоров<ичу>²⁴, умевших сгруппировать нас, относиться с уважением и поддерживать в нас все честное и доброе. Вечная память им, нашим добрым учителям. <...> Саша Кази за лето несколько раз приезжает ко мне в деревню. <...> Еще на днях, говоря с ним о тех, кого из вас я бы желал видеть, в этом числе и ты был. И вот счастливая неожиданность, получаю твое письмо, узнаю, что ты приедешь. Везет, одно из моих задушевных желаний скоро осуществится, я расцелую тебя, моего славного товарища. <...> Приезжай, голубчик, поскорее, пока у нас в деревне хорошо, да смотри, Афанасий, прямо к нам, напиши телеграмму в Бахчисарай, приеду на вокзал взять вас. Будьте счастливы всегда. Еще раз целую тебя. Искренно любящий Ксенофонт Ревелиоти»²⁵.

Столь же открыты, радостны, проникновенны и другие письма Ревелиоти, наполненные ностальгией по ушедшему прошлому, по орденскому полку. «Мой милый товарищ Афанасий, – писал он во втором ответном послании на первое письмо Фета. – Воскресил ты во мне былое с его превос-

ходными людьми. Два дня, как я отвечаю на твое письмо, которое доставило мне много, много радости. Орденский полк – мой конек, и буду бредить им, пока в состоянии мыслить»²⁶.

Письма эти насыщены воспоминаниями, проникнуты любовью к сослуживцам: «<...> твои взгляды относительно крепко любимых мною орденцев я не делю. Согласись, что они были одни из более образованных и затем добрые товарищи. <...> Нет, нет, машина испорчена, и ты в желчном настроении. Я же обожаю орденцев и благодарю судьбу, что я попал среди них. Все люди честные, способные на все доброе и благоразумное. Хочу их перечислить и не знаю, кого поставить прежде другого: Небольсин, Саргани, Кащенко, Бражников, Кази, Борисов, Энгельгардт, <нрзбр> наши учителя. Помн<ю> трех Кудашевых, капитан Риторн, Мержанов, Потапов, Клопман, Петров, Росцишевский, Картапов, Рапп, Лысенко, Оконор, <...> ты и я тоже были люди добрые, Головня и Вемберг, могу ли я их не любить. Как они рыдали, когда жизнь моя была в опасности. За все, за все благодарю я вас»²⁷.

У Ревелиоти был большой архив, в котором хранились все письма сослуживцев. В письме от [20 августа 1879 г.] он процитировал фрагмент из фетовского послания к нему, написанного в период службы, из Новогеоргиевска: «Добрый Фоня, очень рад, что ты благополучно прибыл на родимую землю, но крайне сожалее о расстройстве твоего мозга. Как так можно было поручить деньги такому безалаберному человеку, как я, да еще и бывши таким неисправным чиновником, как ты и проч.». В том же письме Ревелиоти поведал Фету о своем «архиве сердечных документов» и о том, что фетовское письмо расшевелило в памяти былое, обратило его к перечитыванию писем друзей-сослуживцев: «<...> сколько обворожительных людей предстало перед моими глазами: кипа писем Кокорочки, Саргани. Замечательно милое письмо Александра Богдановича к моему отцу – редкий человек, теплейшая душа. Как он нас любил – это видно из этого письма»²⁸. <...> Еще письма Пети, полковая записка Палена, письма Сомова, Слепцова и пр. Сколько сердечных людей. Все, что встречаешь после них, – дрянь, гадость»²⁹.

Эпистолярное общение с Ревелиоти погрузило Фета, говоря его словами, в «море воспоминаний». И хотя его впечатления, оставшиеся от кирасирской жизни, не были столь лучезарны, как впечатления Ревелиоти, оживавшие в памяти картины и образы обретали все большую четкость, накапливались, требовали исхода.

В сентябре 1879 г. состоялась встреча друзей в Крыму, в имении Актачи (под Бахчисараем), принадлежавшем К.Ф. Ревелиоти, а также поездка в Севастополь, на братское кладбище участников Севастопольской обороны 1854–1855 гг.; впечатления от этой поездки отразились позднее и в книге воспоминаний поэта³⁰, и в стихотворении «Севастопольское братское кладбище» (1887).

Таким образом, армейские воспоминания, в атмосфере которых жил Фет в 1879–1880 гг. по причине возобновившейся переписки с однополчанами и встречи с ними в Крыму, вероятно, подвигли поэта задуматься о написании мемуаров о своей жизни и начать их с периода кирасирской службы в Орденском полку. План этих мемуаров Фет набросал на обороте черновика письма к И.П. Новосильцову. Он как бы разрывает текст письма на две части. План воспоминаний состоит из 16 пунктов:

«1. Жизнь в <Красноселье> и рот. <Оконор>».

2. Поездка в Березовку и ее жизнь³¹.

3. Поездка на бал³².

4. Вступление в должность: петухи.

5. Возвращение в штаб – (<нрзбр>).

6. Попойка в саду.

7. <Езда> офицеров в __. Выговор.

8. Учение и <нрзбр>.

9. Царский смотр, появление³³ Нади.

10. Бал и прогулка с <Фетом>³⁴.

11. Свадьба и приглаш<ение> и <дворянство>».

12. Письма Нади к брату Фету. Письма из полка. О Верочке.

13. Письмо из Одессы.

14. 2 письма из Одессы. – Неудав<шееся> самоубий<ство>».

15. Встреча в <Петербурге> с Григор<ьевым> и расска<з> о полож<ении> Вейнб<ерга>».

16. Встреча с <нрзбр> и конец Вейнберга и <нрзбр> Березовки³⁵.

Это своего рода оглавление к воспоминаниям, не совпадающее с окончательным вариантом, опубликованным в книгах «Мои воспоминания» и «Ранние годы моей жизни». Содержание предварительного плана охватывает и соединяет два армейских периода в жизни Фета: период кирасирской службы в Малороссии и начало уланской службы в Петербурге, примерно с 1848 по 1854 г.

Судя по этому плану, Фет намеревался начинать мемуары с событий 1848 г., всколыхнувших всю Европу, точнее, с участия в них кирасирского Военного ордена полка. Это участие зафиксировано в «Летописи жизни А.А. Фета»: «6 июня. В связи с революционными событиями в Венгрии полк получает приказ о выступлении с постоянных квартир на запад»; «<...> Штаб полка располагается в Елисаветграде, а эскадроны – в ближайших к штабу селениях, по соседству с усадьбами знакомых Фету Александрийских помещиков»³⁶. Третий эскадрон, в котором служил Фет, расположился в д. Красноселье. Первый пункт фетовского наброска плана воспоминаний предполагает описание жизни кирасиров в этом бывшем уланском поселении. Ему соответствует глава L в книге «Ранние годы моей жизни».

Первые три пункта фетовского плана несколько проясняет и конкретизирует «Летопись...», ибо

отдельные записи в ней, относящиеся к 1848 г., идентичны этому плану: «19 октября. Фет с эскадром в д. Красноселье. 29 октября. Поездка к Бржеским (в Березовку. – Л. Ч.). 1 ноября. Бал у Лазичей [им. Анновка?]³⁷. Возможно, это случайное совпадение; в фетовском плане речь могла идти и о каких-то других балах, поездках и встречах, коих было немало в течение кирасирской службы поэта. Однако дружба с Бржескими и поездки к ним в Березовку (название этого имения дважды упоминается в начале плана) были спасительны для Фета тех лет. «<...> Березовка с ее жителями и посетителями, – писал он позднее в книге «Ранние годы моей жизни», – составляла главный центр моей тогдашней душевной жизни»³⁸.

Благодаря Бржеским Фет познакомился с семейством их родственников Петковичей, в доме которых в имении Федоровка в 1848 г. он встретил свою любовь – ставшую легендой Марию Лазич (в письмах Фета 1849 г. к И.П. Борисову, а также в воспоминаниях поэта она – Елена Ларина). Это случилось именно тогда, когда Фет со своим третьим эскадром был размещен в Красноселье.

В апреле 1848 г. командиром кирасирского Орденского полка стал К.Ф. Бюлер, а в феврале 1849 г. Фет вступил в должность полкового адъютанта при нем, прослужив в этой должности четыре года. Тесные дружеские отношения, связавшие их, были столь значительны, что Фет впоследствии намеревался запечатлеть память о Бюлере и о времени службы под его руководством в повести «<Полковник Бергер>», однако замысел этого произведения остался нереализованным³⁹. Образ полковника Бюлера представлен в других прозаических сочинениях Фета – «Каленике» (1854), «Семействе Гольц» (1870) и «Не те» (1874). Фет решил покинуть кирасирский полк тогда, когда Бюлер подал прошение об увольнении в продолжительный отпуск. «Хорошо было служить у начальника, – объяснял он впоследствии свое решение, – у которого я был не только на положении домашнего человека, но, можно сказать, сына. Оставаться при других обстоятельствах в глухом поселении значило добровольно похоронить себя»⁴⁰.

Таким образом, 1848 год как отправная точка фетовских воспоминаний был во многих отношениях важен для поэта. Это был своеобразный рубеж в его кирасирской жизни. События этого года оказали влияние на всю дальнейшую жизнь поэта и на его творчество. Вероятно, по этой причине в прижизненном издании мемуаров Фета «Мои воспоминания» в заголовке обозначены следующие даты: 1848–1889. И это вопреки тому, что реальная хронология событий первой книги начинается с 1853 г., со времени перевода в уланский полк, знакомства с И.С. Тургеневым и петербургским кругом литераторов.

Четвертый пункт предварительного плана воспоминаний – «Вступление в должность: петухи» – предполагает рассказ о трудностях, с кото-

рыми пришлось столкнуться Фету, когда он стал адъютантом, о недовольстве молодых офицеров его назначением⁴¹. Сюжет, скрывающийся за названием «петухи», иллюстрирует эти трудности. Впоследствии он вошел в «Ранние годы моей жизни». Это рассказ о том, как Бюлер, недовольный неуставным поведением корнета Пилипенко⁴², который при встрече с ним «раскланялся, снимая фуражку, как знакомый на бульваре», объявил ему замечание в приказе по полку. «Конечно, такие призывы к дисциплине не могли нравиться распушенной молодежи, – писал Фет, – и мои завистники без сомнения пользовались случаем давать чувствовать, что такой строгий тон возникает не без моего влияния. В подобном случае чем нелепее, тем действительнее. <...> После разноса приказа о Пилипенке писарь принес его ко мне обратно, и рукою корнета Кревса⁴³ после расписки было написано:

Хихихи – хахаха,
Как мне жалко петуха.

Поставил меня этот петух в великое затруднение. Во-первых, я не обязан был проверять подписей и мог не видеть неуместной выходки; во-вторых, кто был петух: я или полковой командир? Докладывать об этом Бюлеру значило навлекать на него глупейшую историю. Требовать громогласного удовлетворения от Кревса значило бы мальчишескую выходку возводить в серьезный скандал, который в конце концов, падая все-таки на полкового командира, мог заставить его пожалеть о неудачном выборе адъютанта.

Не говоря никому ни слова, я отправился к своему ближайшему соседу, казначею Кашценке⁴⁴, которому сообщил и самое дело, и мои соображения.

– Что они вооружены не против вас, – сказал Кашценко, – а только злятся из-за должности, видно из того, что они задирают и вновь прибывшего в полк племянника Кази, поручика Вангели, исправляющего должность квартирмейстера. В прошлую ночь они схватили и перетащили на другой двор приготовленный для его кухни хворост; но Кази прямо им сказал: «Вы не знаете Вангели; он не поцеремонится пустить пулю в лоб тому, кто на него наскочит». Мой совет – покуда плюньте на все это»⁴⁵. Фет внял совету Кашценко и отправился вместе с ним в гости к окружному полковнику Савскому. Так закончилась эта история.

Пятый пункт черного плана воспоминаний – «Возвращение в штаб – (<нрзбр>») – предполагает повествование об окончании Венгерской кампании и о возвращении кирасирского полка на постоянные квартиры в г. Крылов. Этот эпизод тоже позднее вошел в «Ранние годы моей жизни», стал содержанием главы LV⁴⁶.

«Попойка в саду» – шестой пункт фетовского плана – еще одна зарисовка из адъютантского прошлого Фета, раскрывает его сложные взаимоотношения с полковыми офицерами. Не желая противопоставлять себя им, Фет (во время

отсутствия полкового командира) принял участие в офицерском сборище с большим количеством шампанского, проходившем в городском саду. Собравшиеся пили за здоровье адъютанта и даже «качали» его, подбрасывая на руках. Этот эпизод «переломил» напряжение в отношениях между офицерами, и поручик К. Ревелиоти, отозвав Фета в сторону, попросил у него прощения за дурное мнение о нем, коего он не достоин⁴⁷.

Середину фетовского плана (пункты 7, 8, 9) трудно идентифицировать с конкретными событиями из жизни Фета. Возможно, они предполагают рассказы о самой службе: полковые кампаненты, выводка лошадей, езда офицеров, учения и царские смотры и пр. Вряд ли возможно определить (по крайней мере, на данной стадии изучения Фета), какие дамы скрываются за упомянутыми в плане Софи, Надей, Верочкой, какие балы и свадьбы имеются в виду (и то и другое было нередким явлением). В главе LXV воспоминаний речь идет о женитьбе майора Вейнберга. Поскольку женился он на родной сестре А.Л. Бржеской (урожденной Добровольской), а с этим семейством Фета связывали дружеские отношения до последних дней жизни, то можно предположить, что пункт 11 в плане подразумевает именно эту свадьбу. К тому же несколько последних пунктов плана связаны с дальнейшей судьбой Вейнберга.

В черновом плане воспоминаний, начиная с 12 пункта, отразился гвардейский период жизни Фета. И хотя нам неизвестны письма Нади Шеншиной к своему брату, равно как и «письма из полка», упомянутые в этом пункте, и «письма из Одессы» (пункт 13), очевидно, что все эти письма поэт получал вскоре после перевода в уланы. За восемь лет, проведенных в кирасирском Орденском полку, Фет приобрел много друзей. Видимо, письма этого периода не сохранились вследствие кочевой жизни, которую ему приходилось вести. По словам поэта, архив его стал складываться в основном после женитьбы, когда началась оседлая жизнь и когда Марья Петровна стала старательно собирать письма корреспондентов своего мужа.

Неизвестно, от кого получал Фет письма из Одессы. Однако в этих письмах речь должна была идти, в частности, о Вейнберге: четыре последних пункта плана посвящены рассказу о его судьбе. Возможное содержание этих пунктов восстанавливается по книге «Ранние годы моей жизни». Вследствие некоего инцидента, произошедшего в полку, Вейнберг вынужден был подать рапорт об отставке, а затем вместе со своей женой поселился в Одессе. «Воспользовавшись гвардейскими связями», пишет Фет, он получил место полицмейстера в Одессе. «Здесь он щеголял своими выездами, красотой и нарядами жены. Соображать его материальные средства со внешней обстановкой никому не приходило в голову. Все в городе шло обычной чередой; но по временам стали возникать небывалые явления. Начали пропадать молодые красавицы девушки, и все поиски

полицейскими оставались бесплодными»⁴⁸.

Вскоре выяснилось, что похищенные девушки продавались в наложницы и переправлялись в Константинополь; раскрылось также, что к этому делу каким-то образом причастен Вейнберг. Боясь расправы, он «выстрелил себе в лоб из пистолета, и так как ожидали его смерти, то и самое дело прекратилось. Но каким-то чудом, – пишет Фет, – рана Вейнберга оказалась не смертельной, и он выздоровел. Оставивши службу, он переехал в Петербург по желанию жены. Здесь во время моего пребывания, по случаю приурочивания ко смотру наследника цесаревича в 1853 г., Григорьев сказал мне однажды:

– Пойдем как-нибудь вечером к m-me Вейнберг. Она прелесть и интересная женщина. А мужа держит вроде рассыльного. Он охотник кутнуть, но она ему ни копейки не дает.

<...> Через год я узнал, что безвозмездная роль рассыльного, должно быть, показалась Вейнбергу невыносимой, и он, зарядив пистолет водою, разнес себе череп»⁴⁹. Таков был конец Вейнберга. На этом эпизоде обрывается и предварительный план воспоминаний.

Личность бывшего майора Вейнберга, по видимому, притягивала Фета. Он стал прототипом майора Вандберга – героя незаконченного прозаического сочинения «<Полковник Бергер>». Судьба этого человека несколькими штрихами набросана в черновом плане воспоминаний (здесь он Вейнберг), о непростых отношениях с ним говорится в «Ранних годах моей жизни» (здесь он тоже Вейнберг).

Майор Вейнберг явно не вызывал симпатий Фета, что стало причиной его разногласий с К.Ф. Ревелиоти. В одном из не дошедших до нас писем к Ревелиоти Фет, видимо, вспоминал о Вейнберге, рассказывал, как сложилась его судьба. В ответном письме к Фету Ревелиоти с жаром защищал своего сослуживца: «Скажи, когда бы ты тонул, и человек, рыдая, протягивал к тебе руки, чтобы спасти тебя, и ты остался в живых, какое чувство ты будешь питать к нему? и стал бы анализировать его поступки к другим? И еще вопрос, насколько эти слухи были справедливы относительно Вемберга»⁵⁰. Была минута, когда он и Головня считали меня в гробу, и их слезы, рыдания похожи были, – лучше сказать, напоминали картину, описанную тобою: «За ними шла, шатаюсь, мать, – Надгробное рыданье! – и мне казалось, так легко и самое страданье»⁵¹. Согласись, что за человек был бы я, если и после этого не сохранил бы к ним искреннего чувства признательности, любви»⁵².

Возможно, не без влияния Ревелиоти в «Ранних годах...» впоследствии появилось такое рассуждение о Вейнберге: «И поныне не могу забыть великодушного порыва Вейнберга, подтвердившего истину, что среди самых непохвальных наклонностей человека, в душе его могут таиться перлы, каких не найдется в душе

самого строго нравственного человека. Это отчасти и понятно. Так как всякий хороший или дурной порыв представляет самобытную деятельность, тогда как безупречность – условие только отрицательное»⁵³.

Таким образом, сохранившийся черновой набросок плана воспоминаний, относящийся примерно к 1878 – 1880 гг., раскрывает первоначальные намерения Фета-мемуариста. Согласно этому плану, воспоминания должны были открываться описанием событий 1848 г. и завершаться событиями 1853–1854 гг.; в них совмещались периоды кирасирской и уланской службы поэта. Не исключено, что это был набросок плана отдельной (начальной) главы воспоминаний. Однако в таком виде замысел воспоминаний не был осуществлен. Впоследствии Фет отошел от предварительно намеченного плана и начал свои воспоминания с событий 1852–1853 гг. (знакомство с Тургеневым и последовавшими вскоре после него хлопотами о переводе в лейб-гвардии уланский полк).

Намерение Фета написать мемуары, появившееся в конце 70-х гг., было реализовано спустя почти десятилетие. О времени начала работы над воспоминаниями поэт писал во вступлении к их первой журнальной публикации: «Радуюсь, что настоящие записки не дневник, а воспоминания с высоты шестидесяти семи годовых ступеней, откуда знакомые предметы хотя и не теряют ясности очертаний, но далеко не кажутся такими огромными, какими казались, когда я стоял с ними рядом»⁵⁴. Вступление в окончательный текст мемуаров не вошло. Вместо него появилось «Предисловие». Но и в нем поэт повторил: «Если не таково побуждение, заставившее меня на 67-м году оглядываться на прошлую жизнь, то нельзя ли поискать других, более существенных»⁵⁵.

Итак, Фет начал писать мемуары на 67 году жизни, т.е. в 1887 г. В письме к С.В. Энгельгардт от 3(15) июня 1887 г. он сообщал: «Примусь, может быть, от скуки, в свободные от удушья часы, писать мемуары»⁵⁶. Следовательно, в июне 1887-го он еще только намеревался приступить к работе. В ответном письме от 10(22) июня 1887 г. Энгельгардт приветствовала это начинание: «Вы хорошо придумали писать Ваши мемуары»⁵⁷.

В это время резко ухудшилось состояние здоровья поэта. К стремительной потере зрения, из-за которого пришлось прибегнуть к помощи секретаря⁵⁸, добавилось обострение хронического заболевания органов дыхания⁵⁹. Это побудило поэта найти занятие, способное удовлетворить выработанную годами привычку к умственному труду. Во вступлении к журнальной публикации воспоминаний Фет писал: «Увеличивающаяся болезненность глаз лишает меня возможности продолжать работу над переводами; диктуя, уловлять мгновенные лирические вспышки, если бы такие и появлялись, – я не умею: для этого мне нужен карандаш; эпического таланта я в себе не сознаю, и вот я остановился на мысли оглянуться,

по возможности беспристрастно, на далекий и трудный путь моей долголетней жизни. Я решился диктовать свои воспоминания в их совокупности не с целью обнародования, хотя бы после моей смерти, а только чтобы сознательно снова пройти тот жизненный лабиринт, который пришлось проходить в неведении следующего дня»⁶⁰.

Возможно, его вдохновительницей была С.В. Энгельгардт, начавшая писать воспоминания в 1886 г., а в 1887-м опубликовавшая первые главы в «Русском вестнике»⁶¹. В письме к Фету от 11(23) июня 1886 г. она делилась возникшими в связи с этой работой проблемами: «Надо Вам сказать, что, не зная, чем рассеять тоску, я начала писать свои воспоминания. К сожалению, у меня руки связаны: о живых говорить правду нельзя, нельзя даже говорить и об умерших, которые оставили семейство. Вспоминая о прежних встречах, я не могу умолчать о Василье Петровиче Боткине, и прошу Вас, при помощи Марьи Петровны, сказать мне, каких он был лет, когда начал учиться. – Я слышала от Грановского, что он выкупил из крепостных человека, у которого были большие музыкальные способности: надо было заплатить большую сумму; тогда Боткин получил от отца небольшое содержание и лишал себя целый год любимых удовольствий, чтоб внести эту сумму. Точно ли это так? Не перепутала ли я чего-нибудь? Как бы хотелось рассказать об отношениях Василья Петровича с Григоровичем, н<a>п<ример>. – Нельзя, а ведь это прелесть!»⁶²

Хотя отклик Фета на это письмо неизвестен, он скорее всего был: в воспоминаниях Энгельгардт содержится замечательный портрет В.П. Боткина. Уже через год и Фет, подобно своей корреспондентке, встанет перед проблемой: как совместить правдивость воспоминаний с этическими нормами и не обидеть оставшихся в живых людей или их потомков обнародованием каких-то подробностей их жизни; как добиться объективного изображения событий прошлого при неизбежной субъективности их освещения?

Публикация фетовских мемуаров началась в августовском номере журнала «Русский вестник» за 1888 г., продолжилась в последующих номерах «Русского вестника» и «Русского обозрения». В 1890 г. «Мои воспоминания» вышли отдельным изданием. Предварительные заготовки мемуаров, связанные с периодом кирасирской службы поэта, позднее вошли в книгу «Ранние годы моей жизни» (1893).

Примечания

- ¹ Бухштаб Б.Я. Судьба литературного наследства А.А. Фета // Лит. наследство. М.; Л., 1935. Т. 22–24. С. 596.
- ² Фет А.А. Соч. и письма: В 20 т. / Гл. ред. В.А. Кошелев. СПб., 2002. Т. 1.
- ³ Бухштаб Б.Я. Указ. соч. С. 596.

- ⁴ Цит. по: Григорович А. История 13 Драгунского Военного Ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полка. Т. 2. 1809–1860 г. СПб., 1912. С. 149.
- ⁵ И.П. Новосильцов (1827–1890) – друг детства Фета, был шталмейстером императорского двора. Его отец П.П. Новосильцов был соседом Шеншиных по имению: Новоселки Мценского уезда Орловской губернии находились в нескольких верстах от с. Воин, родового поместья Новосильцовых.
- ⁶ Далее зачеркнуто: оба с Петей.
- ⁷ благим пожеланием, заветной мечтой (лат.).
- ⁸ Предложение обрывается.
- ⁹ Здесь конец страницы. На обороте этого листа находится план воспоминаний, за которым следует продолжение письма.
- ¹⁰ Фет-Шеншин А.А. Письма к Новосильцову И.П. // ОР РГБ. Ф. 315. Оп. II. Картон 4. Ед. хр. 7. Л. 3–3 об.
- ¹¹ Фет А.А. Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 275.
- ¹² ОР РГБ. Ф. 315. Оп. II. Картон 14. Ед. хр. 50.
- ¹³ К.Ф. Ревелиоти, сослуживец Фета по кирасирскому полку, умер 1 (12) августа 1880 г. См. о нем дальше.
- ¹⁴ См.: Блок Г.П. Летопись жизни А.А. Фета / Публ. Б.Я. Бухштаба // Фет А.А. Традиции и проблемы изучения. Курск, 1985. С. 176.
- ¹⁵ Последнее письмо К.Ф. Ревелиоти к Фету было написано 20 июля 1880 г. В нем он сообщал о внезапной смерти своего родного брата Аристида Ревелиоти, а 1 августа он умер сам. Текст письма хранится в РГБ (Ф. 315. Оп. II. Картон 10. Ед. хр. 58. Л. 27–30 об.). Фет узнал о смерти Ксенофонта Ревелиоти из письма своего сослуживца по кирасирскому полку А.А. Кази от 17 ноября 1880 г. «Дорогой Афанасий Афанасьевич, – обращался к нему Кази, – если Ревелиоти до сего времени на твои два письма не ответил, то это потому, что с того света не пишут, он вслед за его братом вскоре и сам умер; жаль очень его, но что же делать? Это участь всех смертных. Теперь же Марья Степановна (жена К.Ф. Ревелиоти. – Л.Ч.), вероятно, уже несколько успокоилась и, если еще не писала тебе, то, наверное, скоро напишет». (ОР РГБ. Ф. 315. Оп. II. Картон 8. Ед. хр. 15. Л. 1).
- ¹⁶ ОР РГБ. Ф. 315. Оп. II. Картон 5. Ед. хр. 58. Л. 1–1 об.
- ¹⁷ А.Л. Бржеская – давняя приятельница Фета; с нею и с ее мужем А.Ф. Бржеским он познакомился летом 1845 г., во время кирасирской службы в Херсонской губернии. Супруги Бржеские жили в своем имении Березовка Александровского уезда, в котором частым гостем был Фет. Приезжали туда и другие сослуживцы поэта (см. об этом: Блок Г.П. Фет и Бржеская // Начала. Журнал истории литературы и истории общественности. 1922. № 2. С. 106–123).
- ¹⁸ Цитируется по автографу, начальный фрагмент которого воспроизведен в книге А.И. Григоровича, историографа и офицера 13 Драгунского полка (бывший кирасирский Военного Ордена полк). См.: Григорович А.И. История 13 Драгунского Военного Ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полка. Т. 2. 1809–1860 гг. СПб., 1912. С. 163.
- ¹⁹ Неточная цитата. В стихотворении куплет о Ревелиоти выглядит так:
- А тут, лишь клетку повернете,
Для крошки в ящике простор;
Та крошка Фонька Ревелиоти,
Мала, но ноготок востер.
- См.: Фет А.А. Соч. и письма: В 20 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1839–1863 гг. СПб., 2002. С. 342.
- ²⁰ Этот факт (как и содержание самого письма) заставляет усомниться в верности датировки первого письма Фета к Ревелиоти в «Летописи жизни А.А. Фета». Вероятно, оно было написано не 12 июня, а 12 июля 1879 г. В книге А.И. Григоровича письмо Фета к Ревелиоти датируется 12 июля 1879 г. (см.: Григорович А.И. Указ. соч. С. 163).
- ²¹ «К.Ф. Ревелиоти из юнкеров полка произведен в корниеты в 1844 году, в феврале 1851 года уволен от службы штабс-ротмистром и поселился в своем родном имении Акточи, Симферопольского уезда» (Григорович А.И. Указ. соч. С. 157).
- ²² Н.И. Небольсин служил в Орденском полку в 1841–1853 гг. В 1849 г. Фет сменил его на посту полкового адъютанта: Небольсин получил назначение на должность старшего адъютанта штаба корпуса. В 1853 г., будучи переведен в уланский полк, Фет неожиданно встретил Небольсина в старинном монастыре Коренная пустынь (в Курской губернии): «В церкви я неожиданно встретил бывшего нашего полкового любимца Н.И. Небольсина, от которого я принял должность полкового адъютанта. Я встретил его уже предводителем Щигровского уезда, а в настоящее время прах этого вполне прекрасного человека покоится в ограде Коренного монастыря, в котором мы встретились в последний раз» (Фет А. Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 18).
- ²³ А.Б. Энгельгардт – полковник, командовал кирасирским Орденским полком с 11 мая 1834 г. по 6 февраля 1847 г.
- ²⁴ К.Ф. Бюлер командовал кирасирским Орденским полком с 21 апреля 1848 г. по 16 апреля 1853 г.
- ²⁵ Ревелиоти К.Ф. Письма к Фету-Шеншину А.А. 1879 – 1880 // ОР РГБ. Ф. 315. Оп. II. Картон 10. Ед. хр. 58. С. 3–7 об.
- ²⁶ Письмо от 27 июля 1879 г. // Там же. Л. 1.
- ²⁷ Письмо от 4 августа 1879 г. // Там же. Л. 11 об.
- ²⁸ Далее следовал текст письма А.Б. Энгельгардта к отцу Ксенофонта Ревелиоти: «Оставляя в скором времени полк, которым имел счастье командовать почти целых тринадцать лет, скажу в похвалу сына вашего, что в продолжение всей нашей совместной службы я всегда в нем имел самого усердного и ревностного сотрудника, – что я его, сверх сего, любил и люблю как человека благовоспитанного, нравственности безукоризненной (чего о тебе нельзя было сказать), сердца доброго и наклонностей самых благородных. 24 марта 1847 г. <нрзбр> Александр Энгельгардт. Г. Новогеоргиевск» (Там же. Л. 14 об.).
- ²⁹ Письмо от 20 августа 1879 г. (датируется по почтовому штампу) // Там же. Л. 12 об., 14, 14 об.
- ³⁰ См.: Фет А. Мои воспоминания: В 2 ч. М., 1890. Ч. II. С. 372–380.

- ³¹ Далее зачеркнуто: Березовки.
³² Зачеркнуто: Бал.
³³ Далее зачеркнуто: Софи.
³⁴ Далее зачеркнуто неразборчиво написанное слово.
³⁵ *Фет-Шенин А.А.* Письма к Новосильцову И.П. // ОР РГБ. Ф. 315. О. II. Картон 4. Ед. хр. 7. Л. 3 об.
³⁶ *Блок Г.П.* Летопись жизни А.А. Фета. С. 150.
³⁷ Там же. С. 151.
³⁸ *Фет А.* Ранние годы моей жизни. С. 302.
³⁹ Начальный отрывок этой повести опубликован в издании: *Фет А.А.* Соч. и письма: В 20 т. Т. 3. Повести и рассказы. Критические статьи. СПб., 2006. С.149–155.
⁴⁰ *Фет А.* Мои воспоминания. Ч. I. С. 9.
⁴¹ Комментируя непростые отношения Фета с младшим офицерским составом полка, А.И. Григорович, бывший офицер и историограф этого полка, писал: «Некоторая шероховатость в течение первого года адъютантства Афанасия Афанасьевича в отношении с товарищами, раздутая фантазией поэта, отмечена им в воспоминаниях, записанных много лет спустя. Сохранившаяся в семейных архивах переписка Фета с бывшими однополчанами, а также рассказы И.П. Бернарди, Н.И. Гиржева, барона Ю.П. Толя и др. старых кирасир-орденцев устанавливают вполне дружеские товарищеские отношения». (см.: *Григорович А.И.* Указ. соч. С. 162).
⁴² Речь, вероятно, идет о В.П. Пилипенко, служившем в полку с 1845 по 1858 г. (см.: *Григорович А.И.* Указ. соч. С. 198).
⁴³ Прототипом его стал корнет К.А. Гревс, служивший в полку в 1848–1851 гг.
⁴⁴ Речь, вероятно, идет о В.В. Кашенко, служившем в полку в 1832–1854 гг.
⁴⁵ *Фет А.* Ранние годы моей жизни. С. 437–438.
⁴⁶ Там же. С. 449–454.
⁴⁷ Этот сюжет впоследствии вошел в главу LVII воспоминаний под названием «Офицерское собрание в саду» (см.: *Фет А.* Ранние годы моей жизни. С. 457–462).
⁴⁸ *Фет А.* Ранние годы моей жизни. С. 547.
⁴⁹ Там же. С. 547–548.
⁵⁰ В письмах Ревелиоти фамилия этого человека Вемберг.
⁵¹ Неточная цитата из стихотворения Фета «Был чудный майский день в Москве...». У Фета: «За гробом шла, шатаясь, мать, – / Надгробное рыданье! – / Но мне казалось, что легко / И самое страданье» (см.: *Фет А.А.* Соч. и письма. Т. I. С. 300).
⁵² ОР РГБ. Ф. 315. Оп. II. Картон 10. Ед. хр. 58. Л. 13–13 об.
⁵³ *Фет А.А.* Ранние годы моей жизни. С. 465.
⁵⁴ *Фет А.А.* Из моих воспоминаний // Русский вестник. 1888. Т. 197. Август. С. 3. Это вступление в окончательном тексте мемуаров заменено «Предисловием», хотя в указателе содержания главы это слово осталось, возможно, по технической ошибке Фета или издателя.
⁵⁵ *Фет А.* Мои воспоминания. Ч. I. С. IV.
⁵⁶ *Фет А.А.* Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 393.
⁵⁷ Письма С.В. Энгельгардт к А.А. Фету. Часть III (1884–1891) / Публ. Н.П. Генераловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 129.
⁵⁸ Секретарь Фета Е.В. Федорова писала А.В. Жиркевичу: «<...> я была у Афанасия Афанасьевича секретарем, заменяла ему глаза 6 лет и привязалась к нему всюю душой, всем сердцем» (Письма секретаря А.А. Фета Екатерины Владимировны Федоровой к А.В. Жиркевичу / Публ. Н.Г. Жиркевич–Подлесских // А.А. Фет и русская литература: Материалы Всерос. науч. конф. «XV Фетовские чтения». Курск, 2000. С. 20).
⁵⁹ В письме к Энгельгардт от 3 (15) июня 1887 г. поэт признавался: «Чтобы коротко объяснить сущность дела, скажу, что я совершенно болен и у постели моей уже стоит кресло, чтобы сидеть на нем ночью, когда удушье поднимет из постели» (*Фет А.А.* Стихотворения. Проза. Письма. С. 392).
⁶⁰ *Фет А.А.* Из моих воспоминаний // Русский вестник. 1888. Т. 197. Август. С. 3.
⁶¹ Из воспоминаний Ольги Н. // Русский вестник. 1887. № 10. С. 690–715; № 11. С. 159–180.
⁶² Письма С.В. Энгельгардт к А.А. Фету. Часть III (1884–1891). С. 125.

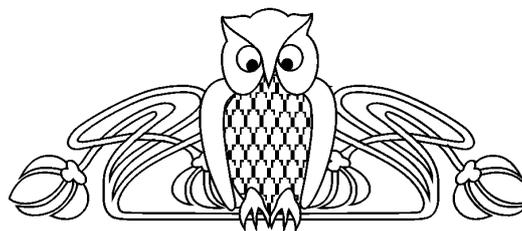
УДК 821.161.1.09-3+929 [Чернышевский + Чехов]

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ЧЕХОВ: КРИТИКА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА»

Н.В. Новикова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории русской литературы и фольклора
E-mail: Philology@sgu.ru

В статье рассматривается эволюция представлений Чернышевского о герое гоголевской «Шинели» (от апологетики гуманистического чувства к тому, «который нуждается в защите», до отрицания его права на сочувствие, до высказывания «невыгодной правды» о нём) с целью показать рецидивы подобного толкования маленького человека в отечественном чеховедении.

Ключевые слова: русская литература, Гоголь, Чернышевский, Чехов, «маленький человек», критика.

Chernyshevsky and Chekhov: Criticism of «the Little Man»

N.V. Novikova

The article examines the evolution of Chernyshevsky's views on the hero of Gogol's novella «The Greatcoat» (starting from humanistic compassion for «the one who needs protection» and finally arriving